

НА КРЫЛЬЯХ ЛЮБВИ

Барбара Картленд

Замок
мечты

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

На крыльях любви

Барбара Картленд

Замок мечты

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1997

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Картленд Б.

Замок мечты / Б. Картленд — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1997 — (На крыльях любви)

ISBN 978-617-12-4909-7

Прекрасная леди Виола Норткомб и молодой герцог Роберт Гленторран познакомились на балу. Чистая и непорочная красота девушки сразила Роберта. Между ними вспыхнуло сильное чувство, обжигающее и сладостное.... Но они не могут быть вместе. Ведь Виола – девушка из бедной семьи, а герцог Роберт подыскивает себе богатую невесту, чтобы поправить свои финансовые дела. Сможет ли любовь, вспыхнувшая меж двух пылких сердец, преодолеть все испытания судьбы?

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-617-12-4909-7

© Картленд Б., 1997
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1997

Содержание

«Розовая серия» Барбары Картленд	6
Глава первая	7
Глава вторая	16
Глава третья	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Барбара Картленд

Замок мечты

Роман

Barbara Cartland

A Castle Of Dreams

© Cartland Promotions, 2013

© Shutterstock.com / horiyan, creativepro, Jiffy Avril, Tarzhanova, обложка,
2018

© DepositPhotos.com / Tihon6, обложка, 2018

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное
оформление, 2018

«Розовая серия» Барбары Картленд

Барбара Картленд, скончавшаяся в мае 2000 года в возрасте девяноста девяти лет, по праву считается самым известным автором романов о любви. Она была самой плодовитой писательницей в истории, поскольку за год могла написать больше книг, чем любой другой автор, благодаря чему занесена в Книгу рекордов Гиннесса.

За свою жизнь она написала семьсот двадцать три книги, которые были переведены на тридцать шесть языков, и их общий тираж составил свыше миллиона экземпляров.

После ее смерти неизданными остались сто шестьдесят рукописей – больше, чем у какого-либо другого писателя.

Помимо романов о любви, из-под ее пера вышли исторические биографии, шесть автобиографий, театральные пьесы, практические пособия о жизни, любви, пользе витаминов и поваренные книги. Она также была политическим обозревателем и ведущей радио-и телепрограмм.

Свою первую книгу, «Ажурная пила», Барбара Картленд написала в двадцать один год. Книга стала мировым бестселлером и была переведена на шесть языков. Барбара Картленд продолжала писать всю жизнь, на протяжении семидесяти шести лет. Ее романы пользовались потрясающей популярностью в Соединенных Штатах Америки. В 1976 году ее книги заняли первое и второе места в списке бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс» – такого успеха не знал никто из авторов ни до, ни после нее.

Барбара Картленд стала легендой еще при жизни и навсегда запомнится нам своими чудесными романами о любви, которыми восторгаются читатели по всему миру.

Моральная чистота и высокие душевные качества героинь ее романов, доблесть и красота мужчин и прежде всего непоколебимая вера писательницы в силу любви – вот за что любят Барбару Картленд читатели.

Всю жизнь мы грезим романтическими замками, выступающими из туманной дымки, которая окутывает земную твердь. Шотландия с ее бурной историей и потрясающим наследием неизменно остается для меня самой романтической страной на всем белом свете.

Барбара Картленд

Персонажи и события, описанные в романе, вымышленные. Все совпадения случайны

Глава первая

1904 год

Леди Виола Норткомб взглянула на свое отражение в старинном потускневшем большом зеркале в подвижной раме, стоявшей в углу ее спальни, и вздохнула.

Будучи по-ангельски чистой и непритязательной, она не замечала ни красоты своего лица, обрамленного каскадом золотистых локонов, ни глубоких и выразительных глаз невероятного фиолетового оттенка, окаймленных ресницами, темные тени от которых ложились на ее розовые щеки.

Нет, сейчас леди Виола видела лишь свое старомодное, отороченное кружевами бальное платье цвета слоновой кости.

В свои девятнадцать лет Виола не обращала особого внимания на моду.

Ее вполне устраивал костюм для верховой езды или простое полотняное платье, в котором можно было сидеть в саду.

Но сегодняшний вечер был особенным, и ей хотелось выглядеть... чуточку привлекательнее. Да, пожалуй, именно так.

– Нанни, нельзя ли сделать что-нибудь с моим платьем, чтобы оно смотрелось хотя бы немного моднее и современнее? – поинтересовалась она у вошедшей в спальню круглолицей пожилой женщины в черном платье с маленьким ажурным воротничком.

Нанни Барстоу осторожно опустила на комод принесенную стопку свежевывглаженного белья.

Затем, глубоко вздохнув, неторопливо расправила складки на платье и фартуке. Нескончаемые лестничные пролеты, ведущие из подвала высокого лондонского дома, были очень крутыми, а ведь она не становилась моложе.

– Послушайте, миледи, у меня и так хлопот полон рот, мне нужно приготовить вас и вашего брата для поездки в Америку, поэтому мне некогда беспокоиться еще и о красоте вашего бального платья.

Под напускной суровостью Нанни Барстоу скрывалось доброе и любящее сердце.

Она была камеристкой матери Виолы и нянечкой самой девушки и ее брата-близнеца Дэвида с момента их появления на свет и без раздумий отдала бы за обоих свою жизнь.

Нанни было неприятно сознавать, что ее леди Виола вынуждена носить старое бальное платье, некогда принадлежавшее ее пожилой кузине, мисс Эдит Мэттьюз. Мисс Мэттьюз была владелицей дома, в котором они жили, расположенного на большой лондонской площади. Как с иронией сообщила она Виоле, дни, когда сама она бывала на балах, остались в прошлом. Постоянная боль в бедрах и коленях причиняла ей страдания, и она почти не выходила из своей комнаты.

– Перестаньте жаловаться, миледи. Мисс Мэттьюз поступила крайне великодушно, разрешив вам надеть ее платье. Сейчас я обрежу несколько торчащих из-под подола и рукавов ниток, а вы наденете свои чудесные длинные перчатки, и все будет в полном порядке.

Виола вздохнула.

– Лучше бы вместо двух билетов на пароход до Нью-Йорка папа прислал нам больше денег. Не понимаю, почему ему вдруг захотелось, чтобы мы навестили его. Раньше, когда он путешествовал за границу, подобного с ним не случилось.

Нанни Барстоу презрительно фыркнула, но ничего не ответила.

Не такого она была мнения о графе Норткомбе, чтобы высказывать его вслух в присутствии Виолы!

Супруга графа, Елена, скончалась от пневмонии, когда близнецам исполнилось всего по четыре годика.

Нанни полагала, что любой нормальный мужчина перенес бы всю свою привязанность и внимание на детей, но графа, похоже, собственные дети нисколько не интересовали.

Своих денег у него было очень мало, и он целиком и полностью полагался на доходы от инвестиций покойной супруги.

Весь семейный капитал был вложен в ценные бумаги и заморожен, дабы полностью перейти к близнецам по достижении ими двадцати одного года.

На протяжении нескольких последних лет граф, обладая беспокойной натурой, пускался в одну финансовую авантюру за другой – с намерением составить себе капитал, но каким-то образом неизменно терпел неудачи.

Нанни боялась даже представить, что случилось бы с близнецами, если бы не доброта и щедрость мисс Эдит Мэттьюз.

Два года тому назад граф отбыл в Америку, и, не считая нескольких писем, близнецы не получали от родителя никаких известий, вплоть до присланных билетов с прилагаемым посланием, в коем он извещал их о необходимости пересечь Атлантику и присоединиться к нему в Нью-Йорке как можно скорее.

– Я была бы очень вам благодарна, если бы вы позволили мне закончить укладывать ваш пароходный кофр, в противном случае утром вы никуда не поедете, – упрекнула девушку Нанни. – А теперь поспешите, леди Виола. Ваш брат вот уже двадцать минут ожидает вас в гостиной.

Виола ущипнула себя за свои розовые щеки и подхватила меховой палантин.

– Подумать только, Нанни, завтра в это же время мы уже будем в море!

– Гм! По моему скромному разумению, было бы куда лучше, если бы вы вдвоем тихо и мирно сидели дома!

Виола засмеялась.

– Ах, няня! Ты так трясешься над нами! Тебе же прекрасно известно, что Шарлотта лично пригласила нас на бал в честь своего дня рождения. Мы никак не могли отказаться. В конце концов, она – моя лучшая подруга.

Суровые черты Нанни смягчились.

Она и впрямь питала слабость к мисс Шарлотте Брент и вынуждена была признать, что живая и подвижная юная наследница состояния Брентов неизменно оставалась верной своей дружбе с детьми Норткомбов, хотя те, по сравнению с ней, были бедны как церковные мыши.

– Что ж, постарайтесь вернуться домой вовремя. Завтра вам придется встать пораньше, чтобы успеть в Саутгемптон.

Виола поцеловала нянечку в морщинистую щеку, подхватила накидку и сбежала вниз по лестнице.

В гостиной ее брат-близнец – Дэвид, виконт Пауэлл, – распростершись на софе, читал вечернюю газету.

Виола приостановилась в дверях, наблюдая за ним.

Она очень любила Дэвида. Он был высоким и стройным, но его волосы, хотя и светлые, имели более темный оттенок, чем у нее, а глаза были темно-серыми.

Дэвид, застенчивый и склонный к уединению, характером разительно отличался от своей весьма общительной сестры.

Вечеринки и балы его особо не интересовали. Зато он оказался талантливым художником-анималистом, изображенные Дэвидом животные вызывали всеобщее восхищение.

По натуре он был мечтателем и явно унаследовал от отца тягу к перемене мест. Его манили Дальний Восток и богом забытые острова в Тихом океане, где он мог бы с наслаждением рисовать необыкновенных бабочек и птиц.

Он поднял голову и улыбнулся, глядя на сестру.

– Слава богу, сестренка! Ты собиралась так долго, что я уже начал бояться, что мы приедем к Шарлотте как раз к завтрашнему дню!

Виола рассмеялась, и оба выбежали на улицу.

К счастью, Брент-хаус располагался недалеко от дома их кухни – на противоположной стороне площади, так что им не составило труда пройти через сады к тому месту, куда прибывали такси и экипажи, доставлявшие приглашенных представителей лондонской знати.

– Это платье выглядит очень плохо?

Дэвид окинул сестру взглядом с ног до головы.

Собственно, он не очень хорошо представлял себе, что значит в ее представлении «очень плохо» или «не очень».

На Виоле было надето нечто кремовое и кружевное. От наряда исходил едва уловимый запах нафталиновых шариков, но Дэвид решил, что говорить ей об этом было бы неумно.

– Нет, с чего бы вдруг?

Виола вздохнула.

– Потому что оно принадлежит кухне Эдит, вот почему! Няня уже уложила в чемодан то единственное платье, которое я могла бы надеть, хотя, говоря по правде, оно такое же поношенное. Как бы мне хотелось, чтобы вместе с билетами на пароход папа прислал бы и немного денег на карманные расходы! Подметки этих туфелек протерлись до дыр, а ладонь вот этой перчатки уже несколько раз заштопана. Ох, как же я ненавижу нищету!

Дэвид на ходу сорвал розовый бутон с куста, мимо которого они проходили, и воткнул его себе в петлицу. Другой жизни, помимо той, в которой они вынуждены были дорожить каждым пенни, он не знал.

Нахмурившись, он взглянул на Виолу.

– Тебе не кажется странным, что папа пригласил нас к себе в Америку? Нет, я, конечно, рад, что мы едем. Ты сама знаешь, как я мечтаю о том, чтобы странствовать по миру, но ведь раньше он не выражал желания, чтобы мы к нему приехали.

Выйдя из тенистого сада, Виола остановилась на тротуаре, ожидая возможности перейти на другую сторону улицы к широким мраморным ступеням Брент-хауса.

На верхушках резных колонн Брент-хауса ярко перемигивались газовые фонари, а тяжелые парадные двери были распахнуты настежь, впуская многочисленных гостей.

Мысли об отце вызвали у Виолы грусть.

Она вдруг поняла, что, несмотря на то что ей исполнилось уже девятнадцать, она совсем не знает своего отца. И действительно, можно было на пальцах одной руки пересчитать те случаи, когда она провела в его присутствии более двух недель.

Но сейчас он почему-то возжелал, чтобы дети приехали к нему, и даже прислал дорогие билеты на быстроходный круизный лайнер.

Все это действительно было очень странно, как справедливо заметил Дэвид.

Впрочем, у нее еще будет время вдоволь поломать над этим голову, после того как они окажутся на борту корабля, направляющегося в Америку.

А сегодня вечером она постарается приятно провести время и получить удовольствие.

Виола любила танцевать и была уверена в том, что, даже приди она в совершенно ужасном платье, Шарлотта постарается что-то предпринять, чтобы та не испытывала недостатка в партнерах.

Большой мраморный аванзал Брент-хауса был переполнен. Джентльмены в вечерних костюмах сопровождали ослепительно наряженных дам, драгоценности которых искрились и переливались в свете гигантской хрустальной люстры, висящей у них над головами.

Дэвид прислонился к импозантной мраморной колонне сбоку от входа, поджидая Виолу.

Сестру увела наверх Шарлотта Брент, которая выглядела потрясающе элегантно в атласном платье цвета темного аметиста, в фамильном бриллиантовом ожерелье на шее и с серьгами в тон.

Внезапно Дэвид заметил, что из-за бело-розовой цветочной композиции на высоком пьедестале по соседству на него устремлен взгляд чьих-то темно-карих глаз.

Он отодвинул в сторону стебель белой лилии и улыбнулся.

Там стояла стройная, высокая, как и его сестра, девушка, гладкие темные волосы которой были заплетены в косу и уложены наподобие короны.

Она явно нервничала, и Дэвид обратил внимание, что она вся дрожит.

– Привет! Вижу, вы прячетесь среди цветов. С вами все в порядке?

– Благодарю вас, да. Со мной все в полном порядке.

Дэвид улыбнулся.

У девушки оказался приятный голосок, в котором явственно слышался шотландский акцент.

Из-за цветов вынырнула маленькая женская ручка в кружевной перчатке и на мгновение коснулась его пальцев.

– Маргарет... леди Маргарет Гленторран.

Дэвид решительно отодвинул цветы в сторону.

– Прошу вас, идите сюда, леди Маргарет. Иначе вы испачкаете свое замечательное платье об эти цветы и листья.

– Здесь так шумно! Я не привыкла к такому количеству людей. Я-я...

– Я прекрасно понимаю, какие чувства вы испытываете. По крайней мере это – не опасный шум. Просто все присутствующие здесь счастливы и получают удовольствие от жизни. Неужели вы совсем одна?

– О нет! Я приехала сюда вместе со своим братом, герцогом Гленторраном. Мы живем в Шотландии – полагаю, вы уже догадались об этом по моему акценту. Но мой брат ведет в Лондоне дела с мистером Брентом, и потому отец Шарлотты любезно пригласил нас на бал в честь ее дня рождения. Но сейчас Роберт – то есть мой брат – удалился в кабинет для приватной беседы с мистером Брентом и его коллегами из Сити.

– Знаете, леди Маргарет, у вас нет никаких причин стоять здесь, в холле, ожидая его. Моя сестра Виола поднялась наверх вместе с Шарлоттой, и, насколько я знаю обеих, они будут там шептаться и сплетничать целую вечность. Что вы скажете на то, чтобы потанцевать со мной, пока мы с вами дожидаемся наших родственников?

Леди Маргарет взглянула в его ласковые серые глаза и робко улыбнулась.

Вложив свою ладошку в его руку, она пролепетала:

– Друзья называют меня Мэг.

А наверху Шарлотта и Виола сидели в миленькой прихожей, из которой открывался проход в спальню.

Они успели обменяться новостями об общих знакомых, Виола восхитилась многочисленными экстравагантными подарками, полученными подружкой на день рождения, а Шарлотта пришла в восторг оттого, что Виола едет в Америку.

– Ой, как бы мне хотелось поехать с тобой! Как это заманчиво! А на борту ты сможешь встретить мужчину своей мечты, Виола!

Виола рассмеялась, и глаза ее засверкали.

Они с Шарлоттой часто разговаривали о том, за каких мужчин хотели бы выйти замуж.

Виола знала, что это будет кто-то особенный. Брак по расчету, которым сочетались некоторые из ее подруг, категорически ее не устраивал.

Она была достаточно благоразумна, чтобы понимать: влиятельные семейства нередко женили между собой своих отпрысков из династических соображений, но ей хотелось изведать чудо любви – влюбиться самой и быть любимой.

– Мужчину моей мечты? Силы небесные! Не думаю, что он существует в действительности. Я еще не встречала никого, кто хотя бы отдаленно напоминал того мужчину, в которого я смогла бы влюбиться!

Шарлотта взяла флакончик с духами и щедро оросила ими свои плечи.

Виола с нескрываемым восхищением окинула взором ее чудесное аметистовое платье.

– Мне очень нравится твое платье, Шарлотта. А я в этих ужасных тряпках кухни Эдит наверняка выгляжу серой мышкой. Ох, как же я устала от нашей нищеты!

Шарлотта нахмурилась.

Девушкой она была прямой и искренней и потому не умела кривить душой и притворяться.

Кремовое кружевное платье Виолы и впрямь выглядело старомодно, да еще и пахло средством от моли!

– Послушай, Виола, у меня есть идея. Почему бы тебе не надеть одно из моих? Хотя бы на сегодняшний вечер. Это будет здорово! Давай посмотрим...

Она вскочила на ноги и распахнула дверцы огромного гардероба, за которыми рядами висели восхитительные платья самых разных цветов и фасонов.

Но Виола лишь покачала головой.

– Нет, не говори глупостей, Шарлотта. Что скажут твои родители?

Но Шарлотта уже деловито перебирала платья.

– Господи боже мой, Виола, маме нет до этого никакого дела, а папа и вовсе ничего не заметит. Смотри – вот это словно сшито для тебя. Я надевала его всего один раз. Этот цвет – не мой, он слишком бледен для меня, хотя материал мне нравится.

У Виолы перехватило дыхание.

Платье было сшито из чудесного бледно-голубого маркизета, с довольно-таки низким вырезом, украшенным мелким неровным жемчугом и крошечными белыми бутонами роз, которые сбегали вниз на расклешенную юбку.

Виола никогда в жизни не видела платья красивее и, даже не примеряя его, уже не сомневалась, что оно придется ей впору.

– Виола, на тебе оно будет смотреться просто замечательно! Возьми мое коротенькое сапфировое ожерелье. Можешь тоже надеть его. Оно чудесно дополнит твой наряд!

* * *

Роберт, герцог Гленторран, вышел из библиотеки в аванзал и остановился в поисках сестры.

Он знал, что она не любит толпу и шум, и не собирался надолго оставлять ее одну. Однако так получилось, что деловые переговоры с мистером Брентом оказались весьма неотложными и изрядно затянулись.

Высокий и смуглый, герцог выглядел серьезным и хмурым.

Он был весьма встревожен.

Его старинное родовое поместье на западном побережье Шотландии отчаянно нуждалось в деньгах.

Местные жители неизменно именовали его замок «маленьким Гламисом». Он и впрямь походил стилем и архитектурой – хотя и был гораздо меньше – на знаменитый замок близ Данди, где на протяжении нескольких веков властвовали графы Стратморы.

Герцог обожал каждый дюйм, каждый камень, каждую башенку и каждое окно своего старинного родового дома. Он был лично знаком со всеми своими арендаторами – от старика-пастуха, выпасавшего стада на склонах высоких холмов деревушки Гленторран, до только что родившегося у кого-либо из рыбаков малыша.

Но при этом он полностью отдавал себе отчет в том, что без значительных вложений ему придется оставить замок и переселиться во вдовый дом на территории поместья.

Сотни членов его клана целиком и полностью зависели от него в том, что касалось их средств к существованию, а он пока что не видел способа увеличить свои доходы.

Герцог стал оглядываться по сторонам, высматривая сестру.

Бесконечная болтовня, смех и беззаботное веселье на подобных банкетах все сильнее раздражали его.

Он мрачно отметил, что тех драгоценностей, которыми щеголяли нынешние гости, за глаза хватило бы на содержание замка и всего поместья на добрых двадцать лет!

Неужели никто из этих людей не ведает о том, что значит быть бедным?

Или как разместить в одной маленькой классной комнате более пятидесяти ребятишек?

Как быть, если ближайшая больница находится по другую сторону горной гряды на расстоянии многих миль от занемогшего?

Что знают они о его ответственности за тех многочисленных людей, которым повезло в жизни куда меньше и которые не унаследовали при рождении ни титулов, ни иных привилегий?

Роберт сомневался, что те, кто сейчас собрался под крышей этого дома, когда-либо поймут его.

Герцог зашагал через холл и вдруг замер на месте, уголком глаза уловив бледно-голубое сияние.

По широкой лестнице ему навстречу неспешно скользила девушка, самая красивая из всех, которых он когда-либо видел.

Он не замечал ни дорогого платья, ни даже сверкающих сапфиров у нее на шее.

Он видел лишь чарующую красоту ее лица, гордую посадку головы и нарочито растрепанные золотистые локоны, небрежно перехваченные кружевной тесьмой.

Он не знал, кто она такая и кто мог бы его ей представить.

Обыкновенно герцог был весьма сдержан, но сейчас неведомая сила остановила его у подножия лестницы и, когда ангел в голубом поравнялся с ним, он протянул руку и негромко спросил:

– Мадам, не окажете ли вы мне честь, согласившись потанцевать со мной?

Виоле показалось, будто какой-то вихрь закружил ее и стал уносить в доселе незнакомый мир.

Всего лишь мгновение назад она вполне невинно спускалась по лестнице, торопясь продемонстрировать Дэвиду свое чудесное платье, как вдруг откуда ни возьмись перед ней возник высокий привлекательный мужчина и протянул ей руку, властно и одновременно умоляюще глядя на нее своими темно-кариыми глазами.

Не в состоянии произнести ни звука, она кивнула в знак согласия, а в следующий миг уже оказалась в его объятиях и они полетели в вальсе, окруженные брызгами света и лицами людей, с которыми она когда-нибудь непременно познакомится.

Но Виола не видела никого – только темные, пристально глядящие на нее глаза своего кавалера.

– Вы наверняка сочли меня невежей, мадам, раз я пригласил вас на танец, хотя мы даже не были представлены друг другу. Позвольте мне сделать это самому. Меня зовут Роберт, герцог Гленторран, к вашим услугам.

Виола улыбнулась ему, и он закружил ее так, что ее туфельки едва касались начищенного паркетного пола.

- Ваша светлость... счастлива познакомиться с вами. Я – леди Виола Норткомб.
- Виола – какое...

Он вдруг запнулся, поскольку хотел добавить «какое очаровательное имя», но тут же сообразил, что ведет себя слишком назойливо с молодой леди, с которой едва успел свести знакомство.

- ...интересное имя, – сбивчиво закончил он.

- Судя по вашему акценту, вы из Шотландии, ваша светлость.

– Да. С западного побережья, где обветренные и поросшие вереском холмы, где отличные пляжи и где горы, возвышающиеся над горизонтом. На земле не найти места лучше.

Виола вздохнула.

О своей родине он отзывался с душевной теплотой и любовью. А ведь многим мужчинам, которых она знала, было решительно все равно, где они живут, лишь бы их окружали комфорт и роскошь.

– Какая прелесть! Я всегда мечтала о том, чтобы жить в старом деревенском доме. Мне иногда снится, будто я покупаю старинное разрушенное поместье и возвращаю его к жизни. Мне бы хотелось разбить там чудесный сад, в котором было бы хорошо всем.

Она немного помолчала.

- Расскажите мне о Гленторране, пожалуйста.

В это время на другом конце бальной залы леди Маргарет негромко воскликнула:

- Что это за девушка с моим братом? Он же никогда не танцует на балах!

Дэвид быстро обернулся и рассмеялся.

– Хотя она и надела другое платье вместо того, что было на ней, когда мы сюда прибыли, могу с уверенностью сообщить вам, что это моя сестра-близнец, Виола.

- Ваша сестра?

– Да, только, пожалуйста, не говорите, будто мы с ней непохожи. Ей досталась очаровательная внешность – зато из нас двоих я унаследовал ум!

В глазах леди Маргарет заискрились смешинки.

– Да, она умеет развлечь других. Смотрите, мой брат смеется. Как я рада этому! В последнее время он выглядел крайне подавленным.

В эту минуту прозвучали финальные аккорды и музыка смолкла. Хлопая в ладоши и смеясь, пары стали расходиться с танцпола.

Когда герцог подвел Виолу к небольшому позолоченному стулу, она чувствовала себя как во сне. Во сне, пробуждаться от которого она не имела ни малейшего желания.

- Гленторран...

Это оказался Брент, отец Шарлотты.

– Виола, дорогая моя, ты должна извинить меня, но мне необходимо обсудить с герцогом одно неотложное дело.

- Разве оно не может немного подождать? – осведомился герцог.

- Боюсь, что нет. Мои коллеги должны отбыть на континент ночным паромом.

Герцог обернулся, одарил Виолу улыбкой и сказал:

– Подождите меня здесь, прошу вас. Я постараюсь вернуться как можно скорее. Если у вас нет других планов, мы могли бы поужинать вместе.

– А вот и Шарлотта! Она составит тебе компанию, – жизнерадостно воскликнул мистер Брент при виде дочери, направлявшейся к ним.

Виола не сводила глаз с герцога, когда тот поклонился и отошел вместе с хозяином дома.

Перед ее внутренним взором замелькали видения глубоких озер и цветущего вереска, высоких гор и стриженных овец, клетчатых юбок и кишаших форелью ручьев.

Герцог очень любил свою землю и вдобавок оказался очаровательным мужчиной.

Она не могла припомнить никого, кто бы ее так сильно заинтересовал с самой первой минуты знакомства.

Может ли он быть мужчиной ее мечты?

И тут ее сердечко подпрыгнуло и сбилось с ритма...

Ей показалось, что она тоже ему небезразлична.

– Как тебе понравилось голубое платье? – поинтересовалась Шарлотта, опускаясь на стул рядом с Виолой и энергично обмахиваясь веером.

– Голубое... ой, я совсем забыла!

Шарлотта рассмеялась.

– Да, вижу, ты не теряешь времени зря. Это тебя я видела танцующей с герцогом Гленторраном?

Виола наклонила голову и принялась теребить перламутровые пуговички на своих перчатках. Ей не хотелось, чтобы Шарлотта видела запыхавшийся вдруг румянец на ее щеках.

– Да, он пригласил меня на вальс, и мы говорили о Шотландии.

– А, об этом его старом замке, насквозь продуваемом сквозняками! Он больше ни о чем и не говорит. Вчера он был у нас на обеде с сестрой, и с первого взгляда было понятно, что он только и ждет, как бы поскорее вернуться к своим горам.

– А для чего они приехали в Лондон?

Шарлотта окинула взглядом переполненную бальную залу, высматривая очередного партнера.

– Что? А-а, мама говорила мне, что он ищет богатую супругу.

Виола почувствовала, как кровь вдруг отлила у нее от лица.

– Богатую супругу? – прошептала она.

– Ну конечно. Ради бога, Виола, ты же знаешь, что эти огромные шотландские поместья съедают кучу денег. Ему срочно требуется большая сумма, а быстрее всего получить ее можно, женившись на богатой наследнице или девушке, обладающей большим состоянием, дабы он мог воспользоваться им к своей выгоде. Знаешь, а мои сапфиры очень тебе идут. Мама говорит, что я должна носить изумруды, но...

Но Виола уже не слушала ее.

Ее сказочный мир только что разлетелся вдребезги.

Она погладила голубой маркизет «своего» платья, а потом коснулась кончиками пальцев теплых драгоценных камешков, украшавших шею.

Так вот почему ей показалось, что герцог проникся к ней несомненной симпатией! Она произвела на него впечатление состоятельной особы!

Умудренный жизненным опытом герцог должен был сразу же понять, что ее бриллиантовое ожерелье обошлось кому-то в целое состояние.

Кроме того, он должен знать, что ее прелестное платье стоит столько, сколько простому человеку не заработать и за полгода.

Он приехал в Лондон в поисках богатой супруги – и решил, что нашел подходящую пару.

Виола ощутила, как ее с головой накрыла волна горечи и разочарования.

А ведь он так ей понравился. Мужчина ее мечты!

Именно так она уже начала думать о нем.

Какой же дурачкой она была!

Что ж, она покажет ему, что ей нет никакого дела ни до него самого, ни до его шотландского поместья.

Герцог Роберт Гленторран вернулся в бальную залу через полчаса, испытывая немалую досаду от деловой встречи.

У джентльменов из Сити, с которыми его только что познакомили, Роберт сумел одолжить лишь жалкую сумму, которой не хватит даже на то, чтобы починить кровлю замка или привести в порядок небольшие участки хотя бы нескольких его арендаторов.

Его визит в Лондон закончился полной неудачей, если не считать одной вещи – его знакомства с леди Виолой Норткомб.

Эта чудесная девушка стоила каждой минуты, которую он вынужден был провести здесь, на юге.

Он посмотрел туда, где оставил Виолу, в надежде, что она его дожидается.

Но позолоченный стул сейчас занимала совершенно другая особа.

Встревожившись, он окинул комнату пристальным взглядом.

Его сестра Маргарет танцевала с каким-то высоким молодым блондином. Она выглядела счастливой, чему он был только рад, сознавая, что на протяжении последнего часа не уделял ей достаточного внимания.

Но сейчас ему хотелось отыскать свою девушку-ангела.

Наверняка заметить голубое платье Виолы будет легко – *да вот же она!*

Но тут его лицо потемнело, и всплеск эмоций захлестнул его.

Леди Виола сидела в небольшом алькове, окруженная молодыми людьми, которые осыпали ее знаками внимания.

Она пила шампанское, громко смеялась и открыто флиртовала, а великолепное сапфировое ожерелье сверкало и переливалось при каждом ее движении.

Герцог заметил, как несколько пожилых дам, проходя мимо, окинули ее неодобрительными взглядами.

Он просто не мог поверить, что видит ту же самую девушку, которая своей идеальной красотой покорила его в начале вечера.

Лицо его потемнело от гнева, и он принялся протискиваться сквозь толпу.

Сейчас он желал только одного – забрать сестру и немедленно уйти отсюда.

Ему отчаянно хотелось вернуться домой, в свою Шотландию, где богатые молодые женщины не затевают дешевых интриг с мужчинами, с которыми только что познакомились.

Подойдя к Виоле, он заколебался, но потом остановился и коротко кивнул ей, не обращая внимания на краску смущения, которую его бесцеремонный поступок вызвал у нее на щеках, после чего развернулся и направился к Маргарет, дабы увести сестру у ее спутника, невзирая на все ее протесты.

Глядя ему вслед, Виола почувствовала, как у нее оборвалось сердце.

«Скатертью дорога!» – с горечью подумала она, опуская на столик бокал с шампанским и делая вид, будто опустошила его.

Поднявшись, она подала знак Дэвиду.

Сейчас ей хотелось лишь одного – отправиться восвояси, уйти из этого дома, в котором мужчина ее мечты оказался жалким охотником за приданым.

Но, молча шагая вслед за Дэвидом по площади, она вдруг поймала себя на мысли, что жалеет о своем фривольном поведении и о том, что не объяснилась с герцогом откровенно и без обиняков.

Виола подавила вздох.

Завтра они отплывают в Америку, и едва ли она когда-либо встретит герцога Гленторрана вновь.

Глава вторая

Роберт, герцог Гленторран, осторожно спускался по крутым ступеням, вырубленным его предками в отвесной скале много веков тому назад.

Для начала июня день выдался слишком уж непогожим.

Море в ярости бросалось на острые черные скалы западного побережья Шотландии и обрушивало на них стены серо-зеленой воды, увенчанные шапками белой пены.

Ранний летний шторм с далекого горизонта гнал тяжелые тучи, через которые уже не могло пробиться солнце.

Именно такой день как нельзя лучше соответствовал настроению герцога – мрачному и унылому.

Острый галечник, устилавший берег маленькой бухточки, мерно хрустел у него под подошвами сапог, когда он подошел к краю воды и подол темно-зеленого килта облепил его колени.

Он невидящим взором уставился вдаль, на бурное море, позволяя соленому ветру беззаботно перебирать своими холодными пальцами его темные локоны.

Высоко над ним, на обрывистых скалах Гленторрана, стоял его дом – замок, который он любил всем сердцем.

Ему был знаком каждый дюйм бесконечных коридоров, башенок и комнат замка. Еще в детстве он облазил все подвалы и чердаки и мог на ощупь распознать каждый камень и черепичную плитку, которые складывались в великолепную и изумительную постройку, так похожую на своего старшего королевского собрата, замок Гламис.

Он унаследовал замок от своего никчемного и ни на что не годного отца, Кеннета.

Поместье Гленторран раскинулось на поросших вереском холмах в сотню миль длиной, на которых паслись большие стада овец и где были разбросаны рыбацкие деревушки и крошечные фермы, тяжким трудом добывавшие себе пропитание на этой суровой земле.

Герцог всегда полагал, что замок и поместье достались ему лишь во временное пользование, перейдя к нему по наследству от многих поколений родового клана Гленторранов.

И он должен был владеть ими до тех пор, пока не сможет передать их своему сыну.

Наклонившись, он поднял с земли горсть камешков и принялся по одному швырять их в волны, с шипением набегавшие на берег.

Он чувствовал на своих плечах неподъемную тяжесть.

Он полагал, что не исполнил свой долг.

Потому что и замку, и поместью грозила опасность навсегда стать потерянными для клана Гленторранов.

Большая часть денег, оставленных ему отцом, ушла на то, чтобы расплатиться по огромным игорным долгам покойного герцога.

Он понимал, что если не сумеет в ближайшее время найти значительную сумму, то ему придется продать замок и поместье, бросив на произвол судьбы людей, которые доверились ему и полагались на его помощь и поддержку.

Несколько месяцев тому назад он дошел до того, что пытался убедить жестокосердных лондонских дельцов предоставить ему крупный заем, но не преуспел и в этом.

И теперь он не знал, к кому еще обратиться и что предпринять.

Мысли его были такими же угрюмыми и мрачными, как и тучи над головой, но он попытался улыбнуться, заслышав, как заскрипела за его спиной галька под чьими-то легкими шагами.

Набросив на худенькие плечи толстую вязаную шаль, единственную защиту от ветра и дождя, к нему приближалась его любимая и дорогая сестра Маргарет, или Мэг, как он всегда называл ее.

Она взяла его под руку и на мгновение склонила свою темноволосую головку ему на плечо.

– Не унывай, Роберт. Я знаю, что ты обеспокоен, но уверена, что ты найдешь способ спасти поместье.

Брат обнял ее и прижал к себе.

– Если бы я только мог быть уверен в том, что твоя судьба устроена, мне было бы намного легче, Мэг. Я могу постоять за себя, но при этом не желаю видеть, как нищета настигнет тебя.

Она рассмеялась.

– Ох, Роберт, ты *преувеличиваешь*. Голодная смерть нам не грозит. Мы всегда можем покинуть замок и переселиться во вдовый дом. Я продам свои драгоценности, мы станем ловить рыбу и пахать землю, а я буду выращивать овощи на огороде для нашего стола!

На лбу герцога пролегла глубокая борозда.

Его младшая сестренка до сих пор смотрела на жизнь сквозь розовые очки.

Они и так жили очень экономно, но в случае потери замка им придется распрощаться с остатками былой роскоши.

Положим, замечательные украшения Мэг и впрямь могут принести некоторую сумму, но разве сможет он попросить ее продать собственное наследство?

– Если бы только ты вышла замуж...

Голос у герцога прервался, и он умолк.

«Если бы только...» – как печально звучали эти слова!

Он знал, что никогда не найдет в себе силы заставить сестру выйти замуж без любви, поскольку ничего подобного не собирался совершать и сам.

Едва став взрослым, он начал мечтать о том, как найдет ту единственную девушку, которой сможет отдать свое сердце раз и навсегда.

Роберт знал: его люди надеются, что он найдет себе богатую супругу, деньгами которой воспользуется к своей выгоде. Но подобный шаг он никогда не рассматривал даже в шутку.

Нет, он был убежден, что женится только по любви, но, даже если ему и удастся отыскать свою единственную, он никогда не сможет сделать ей предложение, ведь его будущее выглядит весьма и весьма неопределенным.

Он отогнал от себя мысли о стройной блондинке, с которой танцевал в Лондоне.

Потому что знал – что бы он себе ни говорил, он предложил бы ей руку и сердце вне зависимости от того, что уготовила ему судьба.

Тем не менее, в том, что касалось Виолы, он пал жертвой собственного воображения и не сомневался, что, даже если они когда-либо встретятся вновь, она не пожелает, чтобы их знакомство переросло в нечто большее.

Леди Маргарет глубоко вздохнула и лишь плотнее закуталась в шаль, которую ветер все время пытался сорвать с ее плеч.

Она уже давно смирилась с тем, что не обладает яркой и привлекательной внешностью и обаянием, которых искали в своих будущих женах молодые люди.

Да и все достойные внимания местные холостяки отнюдь не горели желанием сочетаться браком с сестрой обедневшего герцога Гленторрана, дабы им потом не пришлось вкладывать фамильные средства в поместье жены.

При этом Маргарет еще ни разу не встретила того, за кого захотела бы выйти замуж. И вдруг она заколебалась, мысленно вернувшись на несколько месяцев назад, когда она танцевала с Дэвидом, виконтом Пауэллом.

За всю свою жизнь Маргарет еще ни разу не сталкивалась с такими мужчинами, как он, – с человеком, чьи мысли и чувства так походили бы на ее собственные.

Она тряхнула головой, отгоняя прочь непрошенные воспоминания.

Тот вечер закончился очень плохо, и у нее не было никаких причин надеяться, что она когда-либо встретит молодого виконта вновь.

А герцог вглядывался в туманную дымку и дождевую пелену, окутавшую море.

– Смотри – вон там большая яхта, Мэг, сразу же за скалами! Слава богу, это не наши рыбаки – их лодки благополучно вытаснены на берег в гавани. Не завидую я ее пассажирам в такой день, как сегодня.

– Интересно, куда это они направляются? Ведь мы находимся в стороне от торговых путей.

– Ладно, если мы немедленно не укроемся под крышей, то промокнем так же, как те бедняги. Идем, Мэг, ко мне должны сейчас прийти арендаторы, чтобы обсудить ремонт, который необходим их домам. Встреча не обещает быть приятной.

Повернувшись спиной к штормовому морю и далекому кораблику, они начали крутое восхождение по скользким ступенькам, вырубленным в скале, к замку Гленторран.

* * *

А леди Норткомб, пребывая на борту роскошной моторной яхты «Звезды и полосы», борясь с сильными порывами ветра, пыталась пройти по трапу в шикарный пассажирский салон.

Резкие рывки судна уже давно разогнали остальных пассажиров по каютам, но Виола ни разу не испытала приступа морской болезни, с тех пор как они покинули Нью-Йорк.

Ее брат Дэвид забился в дальний угол одной из длинных скамеек.

Его била крупная дрожь, он был бледным и выглядел больным. Его мягкие светлые волосы, спутанные и влажные, прилипли ко лбу, и в тот момент, когда она взглянула на него, у него начался приступ кашля.

– Дэвид, ты должен сойти вниз! Ложись на койку и постарайся уснуть.

– При таком-то волнении моря? Нет уж, благодарю покорно, сестренка, я предпочту остаться здесь, на свежем воздухе. Боже, как мне холодно! побыстрее бы добраться до берега. Мне хочется заснуть в постели, которая не качается подо мной. Тогда наверняка мне стало бы лучше и я бы избавился от этого жуткого кашля.

Виола прикусила губу, сняла с себя тяжелое пальто и накрыла им брата.

– Вот, держи – давай я подоткну полы. Капитан Говард заверил меня, что шторм не может длиться долго и скоро мы его обгоним.

Виола присела рядом с Дэвидом и крепко сжала его руку, когда яхта вновь принялась нырять по волнам.

Их путешествие через Атлантику, которое начиналось так хорошо, обернулось сущим кошмаром.

Первая часть пути от Нью-Йорка до Дублина прошла спокойно и гладко.

Пассажиры на судне были людьми тихими и интересными, и Виола наслаждалась их обществом.

Команда оказалась внимательной и вежливой, и Виола лишь укрепилась в собственной правоте – она поступила верно, когда решила отплыть из Нью-Йорка домой на маленьком суденышке, не дожидаясь, пока к брату вернутся силы.

Почти все время Дэвид проводил в своей каюте, и Виола все сильнее беспокоилась о нем. Ей казалось, что на пути к выздоровлению он уже должен был продвинуться намного дальше.

Они сделали короткую остановку в Белфасте, где несколько пассажиров сошли на берег.

После этого яхта немедленно отправилась в короткое путешествие по Ирландскому морю в Ливерпуль.

– Это ничуть не похоже на наше замечательное путешествие в Америку, – негромко проворчал Дэвид охрипшим голосом.

Виола улыбнулась.

Плавание на большом лайнере действительно получилось фантастическим, хотя она все никак не могла прийти в себя после недолгого знакомства с герцогом Гленторраном.

Но она твердо вознамерилась получить от путешествия удовольствие и потому каждый вечер заставляла себя танцевать, несмотря на жгучее желание забиться куда-нибудь в укромный уголок и предаться воспоминаниям о темноволосом шотландце, который вызвал в ней такое негодование.

Однако все восторги, которые они испытали в пути, померкли, после того как близнецы наконец-то прибыли в Америку.

Первым признаком того, что их жизнь должна измениться самым радикальным образом, стал роскошный автомобиль, вместе с шофером поджидавший их на пристани Нью-Йорка.

Молодой человек, представившийся их личным помощником, помог им без задержки пройти полагающиеся таможенные процедуры, после чего отвез их в огромный особняк в фешенебельной части Нью-Йорка.

Внутри их приветствовал высоченный, крепкого сложения американец, мистер Льюис Уайлдер.

Виола моментально отметила, что одет он был в черное и что на его квадратном обветренном лице застыло скорбное выражение.

Но она и представить себе не могла, что им предстояло услышать.

Произошла страшная трагедия – их отец умер от лихорадки всего за четыре дня до их прибытия в Нью-Йорк!

Отныне Дэвид стал новым графом Норткомбом, а этот огромный особняк теперь принадлежал им.

Но это было еще не все.

Остальные новости, которые сообщил им Льюис Уайлдер, оказались столь ошеломляющими, что Виола никак не могла поверить в те кардинальные перемены, которые подбросила им судьба.

В одно мгновение они стали невероятно богатыми людьми – причем настолько, что голова у обоих пошла кругом.

Она увидела бумаги, которые показали им в конторе управляющего банком, и поняла, что отныне может покупать себе все, что ей только заблагорассудится, и не считать каждый пенни.

Тем не менее ей казалось, что все это происходит не наяву, что она уснула в доме кузины Эдит в Лондоне и что все эти невероятные приключения ей только снятся.

* * *

И сейчас, когда моторную яхту, на которой они переплыли океан, безжалостно швыряли волны где-то невдалеке от дома, Виола сказала брату:

– Теперь, сойдя на берег, мы по крайней мере сможем вызвать тебе наилучшего врача.

Дэвид слабо улыбнулся.

– Все, что мне нужно, сестренка, – это покой, отдых, тепло и настоящая английская еда. Америка мне понравилась, но она такая шумная!

– Я до сих пор не могу поверить в то, что папа все-таки составил себе состояние, найдя нефть, ведь все эти годы, пока мы были маленькими, он строил воздушные замки и гонялся за глупыми мечтами, – вздохнула Виола.

– Что ж, по крайней мере он прожил достаточно долго, чтобы понять, что разбогател и что его дети более ни в чем не будут нуждаться.

– Но он заплатил за это своей жизнью! Вспомни, как Льюис Уайлдер рассказывал нам о том, что бедный папа подхватил смертельную лихорадку, когда был в Техасе на своих нефтяных месторождениях!

Хриплый кашель вновь сотряс Дэвида, и он подтянул к подбородку теплое пальто Виолы, зябко кутаясь в него.

– Как было бы хорошо подставить сейчас лицо жарким солнечным лучам! Послушай, Виола, мне хочется думать, что папа счел, будто завершил главное дело всей жизни. Он достиг всего, о чем мечтал, и реабилитировался наконец в глазах всех тех, кто утверждал, что он – наивный мечтатель!

Виола кивнула в знак согласия.

Ей становилось все труднее припоминать в подробностях их первые недели пребывания в Америке, поскольку они сразу оказались в самом центре настоящего круговорота событий.

Разумеется, она горевала об отце, но, говоря по правде, она так редко виделась с ним, что его смерть стала для девушки сродни утрате дальнего родственника.

Виоле было жаль его, но сердце ее не разрывалось от горя.

– Уайлдеру не понравилось, когда мы заявили ему, что хотим вернуться домой, в Англию, – заметил Дэвид. – Меня не покидает ощущение, что он хотел стать не просто твоим деловым партнером, сестренка! Я несколько раз перехватывал его взгляд, и он смотрел на тебя совсем не так, как подобает обычному компаньону!

Виола покраснела и отвернулась к иллюминатору, сквозь который виднелись сердитые серые волны.

Льюис Уайлдер и впрямь стал изрядно досажать им своим вниманием в последний месяц их пребывания в Нью-Йорке.

Хотя поначалу они с Дэвидом были чрезвычайно признательны ему за помощь.

Как партнер отца Льюис представил Виолу и Дэвида прислуге их нового дома, адвокатам и управляющим банками, а также ввел близнецов в курс дел, рассказав им о нефтяных месторождениях, которыми они отныне владели совместно.

Мистер Уайлдер поддержал растерянных брата и сестру, помог им организовать похороны отца, распорядился насчет цветов и размещения некрологов в газетах Америки и Англии.

В Нью-Йорке у Льюиса оказалось множество друзей, которые были рады познакомиться с молодыми английскими аристократами.

Словом, после нескольких недель траура Виола и Дэвид оказались в гуще шумной и бурной общественной жизни, чему способствовали деньги, которые теперь они могли тратить без счета.

– Ты совершенно прав. Он действительно просил меня выйти за него замуж, – отозвалась Виола, – и это стало одной из причин того, что мне захотелось как можно скорее вернуться домой. Я вдруг поняла, что общение с Льюисом меня все сильнее утомляет и раздражает.

Дэвид вновь закашлялся.

– Извини, сестренка, что моя болезнь изрядно нас задержала. Надеюсь, Уайлдер не слишком докучал тебе, пока я валялся в постели?

Виола покачала своей светловолосой головкой, не желая расстраивать брата рассказом о том, сколь назойливым и неприятным оказался здоровяк-американец.

Уайлдер совершенно недвусмысленно дал понять, что если они поженятся, то он, располагая ее деньгами, сможет построить огромную нефтяную империю на юго-западе Америки.

Ее отказ вызвал бурную реакцию с его стороны, и, хотя на следующий день он явился в особняк, дабы принести свои извинения, Виола была уверена, что он лишь делает вид, будто сожалеет о своем поведении.

Льюис Уайлдер был из тех людей, которые привыкли всегда получать то, чего хотят. Властный и самоуверенный, он мог быть и весьма обаятельным, если вдруг ему в голову приходила такая блажь.

Виола не могла отделаться от странного ощущения, будто от него исходит угроза, и, хотя девушка понимала, что жениться на ней против ее воли он не сможет, она тем не менее решила немедленно вернуться в Англию.

Но едва только они с братом собрались покинуть Америку, как Дэвид во время зарисовок на природе попал под проливной дождь и подхватил пневмонию.

Снедаемая страхом, что он не выживет, Виола долгую неделю провела у постели брата, изо всех сил помогая докторам и сиделкам.

Но, к счастью, Господь услышал ее жаркие молитвы, и Дэвид в конце концов выкарабкался, хотя и оставался очень слабым.

Убедившись, что худшее осталось позади, Виола немедленно заказала для них билеты на пассажирский лайнер, направлявшийся в Британию.

Узнав об этом, Дэвид с сожалением признался, что вряд ли вынесет такое множество лиц вокруг и всю эту беспорядочную суету и сутолоку во время плаванья через Атлантику.

К счастью, тогда же Виола случайно выяснила, что их новый знакомый, мистер ван Эштон, владелец роскошной океанской моторной яхты, готовится с друзьями отплыть в Англию на каникулы.

Компания подобралась небольшая – три пары с прислугой и судовая команда.

Миссис ван Эштон, дородная леди, счастливая лишь от осознания того, что дружна с *настоящим* английским графом и его сестрой, пришла в восторг, когда Виола поинтересовалась, не найдется ли на яхте места для нее с братом. Место, конечно же, нашлось.

Яхта под парами величественно покинула гавань Нью-Йорка и вышла в Атлантический океан. Пассажиры и команда даже не подозревали о том, какой непредвиденный сюрприз уготовила им коварная весенняя погода.

– Что ж, теперь ты можешь забыть о Льюисе Уайлдере, – сказал Дэвид, когда они с Виолой устроились в укромном уголке грандиозного пассажирского салона яхты, где им не докучали сильный ветер и бурное море за бортом.

– Он продолжит управлять нашим предприятием в Америке, и нам решительно нет нужды встречаться с ним вновь, если только он сам вдруг не заявится в Англию.

– Как только мы окажемся на берегу, то сможем выработать наши собственные планы на будущее. Купить дом – отплатить кузине Эдит за ее доброту – и наконец позаботиться о Нанни!

– А в какой части страны мы будем жить? – мечтательно осведомилась Виола.

Дэвид пожал плечами.

– Оставляю этот вопрос на твое усмотрение, сестренка. Как только я поправлюсь и наберусь сил, то отправлюсь бродить по свету. Я возьму с собой альбом и постараюсь посетить все те необычные и экзотические места, о которых столько слышал, но никогда и мечтать не мог, что смогу побывать там.

Виола ответила ему ласковой улыбкой.

Он чем-то походил на отца, возможно, тем, что не мог долго усидеть на одном месте, предпочитая размеренной жизни все новые занятия и впечатления. К счастью, деловой мир и игорные столы несколько не прельщали его.

– Я куплю дом в Лондоне и еще один – в деревне, – решительно заявила Виола. – Ты будешь приезжать и уезжать, когда вздумаешь, а я буду вставлять твои рисунки в рамы и развешивать их повсюду, чтобы как можно больше людей могли их видеть, заслуженно восхищаясь твоим талантом.

Едва она успела встать, как яхта тяжело поднялась на волну и закружилась волчком, прежде чем вновь рухнуть в пропасть между валами.

Виолу отшвырнуло к стене; чтобы не упасть, она схватилась за занавески на иллюминаторе.

– Боже милосердный, Дэвид! Я вижу землю!

– Что? Быть того не может, сестренка. Мы никак не могли оказаться рядом с сушей...

Виола вытянула шею, стараясь разглядеть что-либо поверх пены и соленых брызг, заливавших стекло.

– Но я вижу ее! Там темнеют холмы, над которыми вспыхивает огонь. Дэвид, смотри! Это же скалы! Я вижу их совершенно отчетливо.

Брат с трудом поднялся на ноги, сбросил ее пальто на палубу и присоединился к сестре у иллюминатора.

– Бог ты мой! Ты права. Что-то явно пошло не так, Виола, потому что это никак не может быть береговой линией Ливерпуля! Должно быть, шторм отнес нас на много миль в сторону от курса.

Внезапно у них над головами тревожно завывала корабельная сирена и до них донеслись крики и топот множества ног.

Перекрывая вой ветра, раздался оглушительный треск, и яхта вздрогнула всем корпусом.

С ужасающим скрежетом, отчетливо слышимым даже сквозь рев урагана, корабль резко накренился.

– Мы налетели на скалы! – простонал Дэвид. – Быстрее, Виола! Мы должны успеть к спасательной шлюпке!

Они выбрались на палубу, где перекрикивались матросы, ревел, отдавая команды, капитан, где царили хаос и смятение.

Вскоре здесь появилась растрепанная и полуодетая миссис ван Эштон, жалобно причитая и крепко держась за руку супруга.

За ней семенила ее миниатюрная горничная, прижимая к груди большую шкатулку с драгоценностями.

У Виолы вдруг мелькнула мысль, что в ледяной воде, волнами бьющей о борт погибающего корабля, вот-вот утонут бриллианты стоимостью в сотни тысяч фунтов.

Осторожно ступая по накренившейся палубе, к ним подошел капитан Говард.

– Милорд, леди Виола, с сожалением должен сообщить вам, что мы налетели на подводные камни и корабль получил пробоины в нескольких местах! К счастью, люди на берегу заметили нас. Они подали нам сигнал фонарем.

Капитан откашлялся и продолжил:

– В трюм поступает вода, пока еще медленно. Я могу спустить спасательную шлюпку только с левого борта, а вот шлюпка, предназначенная для вас и моих старших офицеров, увы, сейчас недоступна из-за большого крена, лучше ее не трогать. Предлагаю подождать, пока к нам не подойдет лодка с берега...

Виола, крепко держась за латунные поручни, напряженно вглядывалась в береговую линию, которую постепенно окутывал туман.

Сквозь него вдали просвечивали несколько размытых огней.

– Мы поступим так, как вы предлагаете, капитан Говард, – заявил Дэвид. – Мы ведь оказались не очень далеко от суши. Но как такое могло случиться?

Капитан выглядел мрачнее тучи.

– Понятия не имею, милорд, но уверяю вас, что непременно узнаю. А теперь прошу извинить меня, но я должен заняться другими пассажирами.

Виола и Дэвид застыли рядышком на накренившейся палубе, глядя на то, как на воду спустили первую спасательную шлюпку и как в нее перебираются пассажиры.

И вдруг Виола услышала, как с воды, совсем близко, донесся чей-то крик.

Она подалась вперед, вглядываясь в туман, из которого рядом с яхтой вынырнула лодка.

На веслах сидел рыжеволосый молодой человек, его намокшие от дождя волосы прилипли к голове, а мускулистые руки легко толкали лодку вперед.

Еще один мужчина стоял на носу, ловко сохраняя равновесие, пока суденышко прыгало по волнам. На нем были темный дождевик и зюйдвестка, поля которой опускались ему на плечи.

Он властно помахал рукой Виоле и Дэвиду и крикнул:

– Вам придется прыгать! Яхта погружается!

– Ты – первый, Дэвид!

– Еще чего! Прыгай, Виола! А я последую за тобой.

Виола перелезла через поручни, замерла на миг, выбирая момент, а потом прыгнула вниз, прямо на человека в лодке.

Сильные руки подхватили ее, лодка закачалась под ее весом, и на несколько секунд они прижались друг к другу.

– Благодарю вас! *Большое* вам спасибо!

Виола повернула голову, глядя в лицо своего спасителя, и тихонько ахнула.

Он сдвинул обвисшую шляпу на затылок – и глазам ее предстало суровое и волевое лицо Роберта, герцога Гленторрана.

Глава третья

– *Вы?!*

Роберт Гленторран смотрел на лицо, которое вот уже многие месяцы преследовало его во сне.

Те же фиалковые глаза и прелестно очерченные губы.

Хотя от дождя и соленых брызг волосы ее потемнели и обрели цвет червонного золота, он узнал бы ее в любом облике.

– Ваша светлость...

Голос Виолы прозвучал едва слышно.

Мысли у нее путались, ведь герцог по-прежнему сжимал ее в объятиях, а утлая лодчонка опасно ныряла в высоких волнах.

Какое-то время они продолжали смотреть друг на друга, затем герцог легонько тряхнул головой.

– Мы поговорим позже, – бросил он, помогая ей присесть на банку.

– Мой брат, сэр. Ему нездоровится. Он очень слаб. Не знаю, сумеет ли он спрыгнуть сюда.

Виола подняла глаза, глядя на Дэвида, который облокотился на поручни высоко у нее над головой. Увы, уже не столь высоко, как мгновением раньше!

Роскошная яхта медленно погружалась в воду.

Не говоря ни слова, герцог вскарабкался по тросу, свисавшему с борта судна, и помог Дэвиду спуститься по этому же тросу.

Роберт бережно усадил Дэвида в лодку и, взглянув в его побледневшее лицо, нахмурился.

Дэвид дрожал всем телом. Он терял сознание и выглядел ужасно больным.

– Сколько еще человек осталось на борту? – обратился герцог к Виоле, стараясь перекричать вой ветра.

Она вытерла соленые брызги с глаз.

– Капитан и несколько человек команды, ваша светлость.

В следующую минуту из тумана вынырнула еще одна лодка, и герцог прокричал что-то на незнакомом языке, обращаясь к ее гребцам.

Затем он обернулся к своему рыжеволосому спутнику:

– Они спасут капитана и его команду. А ты вези нас на берег, Фергус. К замку, а не в гавань. И как можно скорее. Виконту срочно нужно согреться.

– Он более не виконт, – пробормотала Виола. – Наш отец умер, и Дэвид стал теперь графом Норткомбом.

Герцог кивнул.

– Примите мои глубочайшие соболезнования, леди Виола. Но, каков бы ни был его титул, сейчас ему необходимы теплая постель и доктор, причем как можно скорее. Но *почему*, ради всего святого, вы позволили ему отправиться в путь в таком состоянии?

Виола дерзко вскинула голову, расслышав упрек в его голосе.

Неужели этот человек будет придирается к ней, предъявляя претензии? *Она*, по крайней мере, не искала возможности заключить брак из-за денег!

– Я сочла, что в эту пору года, в конце мая, море будет спокойным. Дэвид оправился от пневмонии – наш доктор в Америке сказал, что он может отправляться в дорогу. Но, к несчастью, за последние несколько дней у него произошел рецидив.

Она склонилась над братом, пытаясь своим телом прикрыть его от дождя.

И только сейчас Виола сообразила, что тяжелое пальто осталось на тонущей яхте вместе со всеми остальными ее вещами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.